

В. А. ВАЗЮЛИН,  
доктор философских наук, профессор,  
главный научный сотрудник ДППО СГИ

## **ОБ ОСНОВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ИСТОРИИ**

История может постигаться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Причем оба они, с одной стороны, едины, ибо подлинная теория предполагает осмысление фактов, вырастает на эмпирическом фундаменте, а, с другой стороны, противоположны и, более того, при прямом, непосредственном сопоставлении некоторых эмпирических утверждений с теоретическими положениями они могут выступать как прямо исключаящие друг друга.

Если в советской социологии официально господствовала по сути своей схоластическая; а по названию марксистская (на самом деле – псевдомарксистская) социология; а неофициально или полуофициально в противовес ей распространялась и завоевывала позиции эмпирическая социология, заимствованная с Запада, то в последние годы эмпирическая социология превратилась в доминирующую, что в общем-то соответствует перемене официального курса.

Для последовательного эмпирика всякая теория выступает схоластикой, для него эмпирический уровень (сознательно или подсознательно) воображается предельным, выше которого ничего быть не может. Но и для схоластического социолога, так же как и для эмпирика, действительная, живая теоретическая социология недоступна и представляется реля-

тивистской, неправомерно отвергающей некие абсолюты (вроде идеальных типов и т.п.).

Преобладающие ныне представления о том, что происходит в нашей стране и в мире в целом, куда идет (или точнее, куда зашла) страна и история человечества, либо схоластичны, догматичны, либо (что сейчас более распространено) сугубо эмпиричны, не поднимаются или незначительно поднимаются над уровнем обывателя. А некоторые публицисты, занимающиеся как бы научной деятельностью, прямо и откровенно заявляют, что наука и не должна подниматься выше уровня обывателя, выше здравого смысла. Какова эпоха – таковы и ее пророки.

Так какие же основные особенности сугубо эмпирического, обывательского представления о современном состоянии нашей страны и человечества в целом можно выделить?

Прежде всего, это ощущение тупиковости происходящего, ощущение, рождающееся разложением страны, общества, отсутствием видения каких-либо благоприятных перспектив. На противоположном полюсе общественного мнения мы можем наблюдать все уменьшающийся оптимизм, который опирается на веру в то, что, преодолев временные трудности, мы будем жить как на благословенном Западе. При этом, люди в нашей стране мало или почти ничего не знают о ширящемся на Западе разочаровании в “обществе потребления”, нарастающем числе неврозов, вызванных “экзистенциальным вакуумом”, ощущением бессмысленности существования при отсутствии выхода из этого тупика. Настроения, охватившие США в конце 60-х годов и в той или иной степени сохраняющиеся до сих пор, так описывает известный американский социолог П. Бергер: “...Ключевые институты и ценности американского общества оказались скомпрометированными (делегитимированными) в глазах интеллектуалов. Росла уверенность в том, что рыночная экономика по своей природе есть зло, что культура средних американцев (“Средней Америки”) – неполно-

ценна и патологична, и самое ужасное, что политическая система либеральной демократии есть коррумпированный обман” [1]. Обходящий молчанием эти разочарования наш “провинциальный” оптимизм, наша безоглядная вера в благословенность западного общества вряд ли могут быть длительными.

Нарастает ощущение в глобальных масштабах приближающегося “конца света” И такое ощущение имеет серьезные основания в реальных и достаточно известных кризисах (энергетическом, экологическом, военном...).

Нарастает разочарование в возможности подлинного посюстороннего прогресса человечества. Соответственно распространяются все шире и шире религиозные, мистические настроения, поиски “золотого века” и идеалов в прошлом, надежды на спасение человечества внеземными цивилизациями. Разнообразие форм таких настроений, верований, взглядов чрезвычайно велико, но общим является, по крайней мере, то, что все они более или менее осознанно, непосредственно или опосредствованно относятся к настоящему человечества как тупику.

При честном и последовательном эмпирическом подходе так и должно быть, так должно представляться, что человечество зашло в тупик и у него существует только одна реальная возможность – в довольно скором времени погибнуть.

При теоретическом подходе и современное состояние человечества, в том числе нашей страны, и перспективы предстают существенно иначе.

Для теоретического подхода одного анализа современности и ее тенденций мало. Здесь требуется иной масштаб – масштаб всей истории, вскрытие закономерностей всего развития человечества. Для теоретического понимания современности хотя бы схематическое воспроизведение узловых пунктов истории просто необходимо.

Исходным пунктом истории было образование предпо-

сылок возникновения человечества в недрах природы и сам процесс его первоначального возникновения. На этой стадии существует непосредственное единство человека, общества и природы (хотя единство это с различием).

Сначала присваиваются предметы потребления, данные природой в готовом виде, и создаются орудия для их добывания и собирания. Предметы потребления, главным образом, добываются, собираются, не производятся, в то время как, орудия добычи и собирания уже начинают производиться. И все же человек пользуется преимущественно пока готовыми результатами природных процессов самих по себе, осуществляемых без его вмешательства.

Связи между индивидами также преимущественно природные, сложившиеся естественным путем. Возникающее производство лишь делает эти связи более устойчивыми. Производственные отношения первоначально образуются в форме родовых отношений, но вряд ли к ним полностью сводятся. Иначе говоря, производственные отношения выступают в форме естественных, природных отношений и в известной степени существуют слитно с ними.

По мере того как добывающая деятельность уступает место производству предметов потребления, которое становится регулярным, постоянным, возрастает различие между природными и собственно производственными отношениями, а значит, между родом и общиной, и все большее значение приобретает община по сравнению с родом. В различии между родом и общиной проявляются различия между естественными связями и производственными отношениями. Однако ни родовые связи не есть чисто естественные связи, ни общинные связи не есть чисто социальные связи (община всегда, пусть в опосредованном и превращенном виде, предполагает те или иные родовые связи). Классически развитого вида община достигает с переходом к скотоводству и земледелию. Но этот переход есть одновременно и достижение общиной своего наи-

высшего расцвета, и вместе с тем начало ее разложения (с переходом к скотоводству и земледелию впервые создается возможность регулярного производства прибавочного продукта и начинает возникать частная собственность).

Характерно, что для людей первобытнообщинного строя общество, человечество ограничивается общинным коллективом. Вместе с тем от всего остального окружающего мира человек еще не вполне отличает себя.

Собственность на условия производства именно как собственность (в отличие от владения и пользования) и как самостоятельное общественное отношение (в отличие от естественных связей) начинает впервые оформляться в общине. Это общественное отношение существует в общине еще в природном “освещении” и как еще не вполне отделившееся от сугубо природных связей. В самом деле, общинная собственность, будь-то у скотоводов или земледельцев, предполагает прежде всего собственность на землю. Но земля есть данное природой в готовом виде, произведенное средство производства.

Поскольку земля используется как средство производства, постольку отношение людей к природе опосредованно, а значит, люди отличают себя от природы. Поскольку же земля есть не произведенное, а взятое в природе в готовом виде средство производства, постольку связь людей с природой не опосредствована, постольку люди относятся к земле как к своему, употребляя слова К. Маркса, неорганическому телу, то есть они не отделяют себя от земли и от всего, что на ней и в ней есть. С этой последней точки зрения общественное отношение еще не проникло в производительное отношение человека к природе.

Кроме того, человек есть собственник в качестве члена общины, то есть первоначально естественно сложившегося коллектива, в котором всегда в том или ином виде имеются естественные связи как неотъемлемый момент общественных отношений. Следовательно, отношение членов общины друг

к другу и опосредовано производством, и дано как нечто природное. И пока земля как непроедленное средство производства играет роль решающего средства производства, до тех пор сохраняется основа, в той или иной степени порождающая отношение человека к окружающей среде как к своему неорганическому телу. Ибо “действительное присвоение посредством процесса труда происходит при таких предпосылках, которые сами не являются продуктом труда, а представляются его природными или божественными предпосылками” [2]. В этом отношении люди еще непосредственно едины с природой. Объективно существующая цель такого строя – поддержание жизни человека как члена общины.

Следующая стадия развития человечества представляет собой отрицание предыдущей.

Переход к скотоводству и земледелию означает и развитие общины, и начало длительной, проходящей через многие эпохи, истории ее разложения. Возникает частная собственность. Развитие производительных сил отрицает прежний уровень и характер: создается возможность регулярного производства жизненных средств выше минимума, абсолютно необходимого для поддержания физического существования, складывается общественное разделение труда, в то время как прежде преобладало разделение труда на основании естественных различий (по полу, возрасту, индивидуальным естественным качествам). Совершенствование средств труда, приводимых в действие индивидуально, стало основанием развития частной собственности, которая на всех этапах преобразования общинной собственности в том или ином виде предполагала существование последней.

С появлением частной собственности возникают антагонистические классы, эксплуатация человека человеком. Эксплуатация, поскольку она не ограничивалась случайным изъятием прибавочного продукта, а становилась постоянной и захватывала процесс производства, с необходимостью дол-

жна была включать присвоение другого человека (или других людей) как объективного условия производства. Но экономическое присвоение человека как объективного условия производства невозможно, если не подчинить его волю, если не применить к нему насилия, если не установить отношения господства и принуждения. Такого рода эксплуатация человека неизбежно требует более или менее постоянного и непосредственного организованного насилия и с необходимостью порождает его, то есть экономические производственные отношения непосредственно предстают как политические, выступают слитно с политическими отношениями.

Так обстоят дела везде и до тех пор, пока земля как непроизведенное средство производства играет решающую роль в производстве и пока частная собственность не разложила окончательно общинную собственность, то есть такое положение характерно для рабовладельческого и феодального общества. И хотя частная собственность в этих обществах еще не вполне преобразовала унаследованную основу (отношения людей к средствам производства и отношения людей друг к другу, свойственные предыдущей стадии), но развитие идет таким образом, что отношение к земле как непроизведенному средству производства и община на этой стадии в общем и целом разлагаются, а ведущим в развитии общества является совершенствование средств труда, воссоздаваемых людьми, и причем длительное время таких средств труда, которые приводятся в действие индивидуально.

Апогея первое отрицание прежней стадии достигает при капитализме.

По мере развития производительных сил все большую роль в производстве начинают играть произведенные средства производства. Вначале это, главным образом, средства, приводимые в действие индивидуально. Соответственно развивается собственность, принадлежащая отдельным индивидам и основанная на собственном труде. (Конечно, полного исчез-

новения черт предыдущей стадии не происходит. Примером может служить средневековая организация городских ремесленников.) По мере развития этой собственности связь индивидов в производстве все больше осуществляется через обмен продуктами обособленных индивидуальных производителей. Такой обмен означает вместе с тем расширение рынка, рост многообразия потребностей. Дальнейший рост рынка ведет к производству на рынок, к подчинению производства обмену. Это вызывает необходимость в увеличении его масштабов, приводит к разорению и обнищанию одних и сосредоточению средств производства в руках других, отделению средств производства от производителей. (Мы здесь ведем речь о главной линии и притом в самом общем виде.)

Произведенные средства производства приобретают решающую роль в процессе производства. Это обстоятельство, а также связь между производителями посредством обмена продуктов труда представляют собой отделение человека от природы и притом отделение качественно иного уровня по сравнению с господством общинной формы собственности. Вместе с тем, это отделение осуществляется неполностью.

Действительно, решающая роль произведенных средств производства означает, что отношение производителя к средствам производства в масштабах общества в целом опосредовано трудом, а потому исчезает глубинное основание для отнесения производителя к объективным условиям производства, для отождествления человека со средствами производства.

Но различие между человеком и природой даже в условиях высшего развития частной собственности, которое имеет место при капитализме, с одной стороны, не доходит до конца, а с другой – выступает как разрыв. Оно не доходит до конца, так как люди в процессе производства связаны только посредством обмена вещей, продуктов труда, а потому и производители выступают как произведенные вещи, как продук-

ты труда и как продукты труда они покупаются и продаются. (Продуктом труда является не тело человека как таковое, а его способность к труду.)

Различие между человеком и природой в условиях частной собственности есть разрыв между ними. Разрыв между человеком и природой в высшей степени развивается при капитализме. Природа в качестве условий производства враждебно противостоит работнику, лишенному средств производства. Частные собственники стремятся к использованию ее в узких своекорыстных интересах. В условиях господства частной собственности преобладает стремление к порабощению природы, к господству над ней. Это порабощение включает две стороны: с одной, природа преобразуется людьми в нужном им направлении, а с другой, – она оказывается лишь рабом, с которым можно не считаться, силы которого можно нещадно эксплуатировать. При таком положении, когда производительные силы развиваются настолько, что люди становятся способными подчинить себе всю окружающую земную среду, наступает конфликт между человеком и природой – экологический кризис, грозящий самому существованию человечества. В условиях частной собственности возникает, нарастает и при капитализме получает свое высшее развитие также разрыв между людьми и порожденными ими социальными силами. Силы взаимодействия людей все больше противостоят самим людям, разъединенным частной собственностью, растет разрыв, противоречие между человеком и обществом. К проявлению стихийного действия социальных сил относятся, например, анархия производства, экономические кризисы.

В недрах капитализма и его необходимым развитием создаются материальные и духовные предпосылки упразднения капитализма и частной собственности вообще.

Важнейшей материальной предпосылкой упразднения капитализма и всей частной собственности является то, что произведенные средства производства, став решающими, при-

обретают общественный характер. Кооперативный, в конечном счете, общественный характер средств производства, становится технической необходимостью на той стадии производства, когда оно превращается в машинное: машины, а в особенности система машин, и создаются, и приводятся в действие многими людьми, коллективно.

Вместе с тем, если ранее ту или иную техническую структуру находили эмпирическим путем, то с появлением крупной промышленности положение резко изменилось: технические структуры обнаруживаются преимущественно теоретическим путем, и это имеет огромное значение для развития и самого существования частной собственности. В ходе развития крупной промышленности первостепенным становится не непосредственный труд, а технологическое применение естествознания и та всеобщая производительная сила, “которая вырастает из собственного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом)” [3, с.208]. Но сущность капитализма – производство прибавочной стоимости, а прибавочная стоимость создается живым непосредственным трудом. Следовательно, капитал, развивая крупную промышленность, машинное производство (кстати, компьютеризация – это особый вид механизации), готовит тем самым условия собственного разложения и предпосылки нового, будущего общества.

Капитализм завершает стадию первого отрицания.

Отрицание отрицания в развитии истории человечества является необходимостью. Оно представляет собой как бы возвращение к первоначальному единству с природой. Но это лишь как бы возвращение, ибо единство восстанавливается с сохранением всего положительного, что было достигнуто на стадии первого отрицания. Люди продолжают стремиться к овладению природой, располагая для этого колоссальными возможностями. Но это такое овладение, которое должно быть

сохранением и совершенствованием природы. Установление такого отношения к природе становится вопросом жизни и смерти человечества: без его установления человечество погибнет без всякой войны.

Уже при капитализме образуются предпосылки для отрицания отрицания исходного характера использования человеком природы в производстве. Если исходным в истории человечества было использование природы просто как данной, непреобразованной, то затем человек стал преобразовывать объект посредством модифицированного предмета природы. Соответственно, главным преобразователем был непосредственный труд. В ходе же развития крупной промышленности и особенно на ее высшей стадии – автоматической системы машин – в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Следовательно, происходит как бы возвращение к исходному пункту, к использованию самодействия природных процессов, но это не просто возвращение к началу, одновременно сохраняются и достижения первого отрицания: человек сознательно направляет природные процессы для получения нужного ему полезного эффекта.

Однако при капитализме всеобщее богатство развивается в антагонистической форме. “С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, – для того, чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости” [3, с.213].

Лишь обобществление собственности на средства про-

изводства устраняет это противоречие и открывает простор свободному развитию общества. Действительное богатство общества, если отвлечься от его буржуазной формы, есть не что иное, как постоянное производство и воспроизводство человеком себя в качестве целостного, универсального, гармоничного существа. Обобществление средств производства есть устранение социальных сил как отделенных от человека и враждебных ему. Установление общественной собственности на средства производства есть отрицание частной собственности и вместе с тем как бы возвращение к исходному пункту, к общинной собственности. И общинная, и общественная собственность – собственность коллектива. Но общественная собственность в отличие от общинной не есть собственность группы людей, а есть собственность всего общества. В наиболее развитом виде общественная собственность представляет собой собственность всего обобществившегося человечества. Кроме того, в общественной собственности сохраняется в преобразованном виде то положительное, что достигнуто в процессе развития частной собственности.

Цель обобществившегося человечества может быть только свободное, всестороннее, гармоничное развитие каждого человека, которое выступает и как самоцель, и как условие такого же развития всех остальных людей. Эта цель тоже отрицание отрицания. Исходным пунктом было воспроизведение физического существования как цель и как условие физического существования других членов общины и общины в целом. По мере того, как развивалась частная собственность, целью общественного производства становилось производство и воспроизводство частных собственников в качестве частных собственников, люди, в той или иной степени лишенные частной собственности, эксплуатируемые, выступали в масштабах общества как средство для этой цели. Развитие этой собственности было вместе с тем все большим отделением частной собственности от непосредственной связи с индивиду-

альностью собственника и с природными условиями (например, свобода перехода собственности из рук в руки), то есть частная собственность приобретала все большую самостоятельность по отношению к личности собственника и к природе. При капитализме эта самостоятельность достигает своей полноты. Поэтому главной целью общественного развития становится не индивидуальное потребление частной собственности, а ее постоянное производительное потребление как самовозрастающей частной собственности. Таким образом, и сам частный собственник, пусть он и удовлетворен своим положением, является в известной мере средством движения частной собственности, социальных сил, созданных людьми, обособившихся от людей и подчинивших себе людей.

При отрицании отрицания исходной стадии развития общества целью общественного развития снова становится каждый человек (поскольку он действительный собственник общественной собственности). Но теперь это уже человек не как член ограниченной общины, а как член человеческого общества в целом. Достижения стадии первого отрицания, стадии частнособственнического не устраняются. Ведь именно в ходе развития частнособственнического и, конечно, главным образом, капиталистического общества создаются, хотя и в ограниченной степени, международные производственные отношения, универсальные потребности и т.д. и т.п. С отрицанием отрицания исходной стадии развития человечества происходит “очищение” от антагонистической формы развития: главной целью становится не просто производство физического существования индивида (как на исходной стадии) и не просто потребление им материальных и духовных благ в качестве обособленного индивида (как на стадии первого отрицания), а производство и воспроизводство человека как свободного, всесторонне развитого члена человечества, члена человеческого общества.

На исходной стадии человечество боролось за физичес-

кое выживание в борьбе со слепыми, стихийными силами природы, и обеспечение средствами к жизни находилось где-то у границы минимально необходимого для физического выживания членов человеческого рода.

На стадии первого отрицания человечество стало гарантированно производить больше средств к жизни, чем это минимально необходимо для поддержания физического существования, и меньше, чем необходимо для оптимального удовлетворения потребностей каждого члена общества, что порождает и поддерживает борьбу людей друг с другом за средства к жизни, то есть борьбу людей друг с другом как животных, как биологических существ. Стадия отрицания отрицания становится возможной тогда, когда производство оказывается способным обеспечить оптимально жизненные, биологические потребности людей. Это означает переход к новому типу развития, к исключению борьбы людей друг с другом за биологическое существование.

На протяжении рассматриваемого нами витка спирали человечество все более и более овладевало земными условиями своего существования. В современную эпоху оно подошло к овладению всеми основными земными условиями своего существования. Вместе с тем это овладение есть и овладение возможностью уничтожения себя как целого (уничтожения “мирного” или военного). Подобно тому как на исходной стадии существовала угроза гибели человечества как человеческого рода, так и ныне снова возникла эта угроза, но уже созданная не природой, а самим человечеством. И перед человечеством встала еще недостаточно осознанная альтернатива: либо гибель, либо раньше или позже переход на качественно новую стадию развития, стадию отрицания отрицания.

Таков общий ход истории. Здесь он дан схематично, сжато, лишь как результат научного исследования, процесс выработки которого остался за рамками статьи. Но даже в этом теоретико-схематичном виде общая логика истории позволя-

ет лучше понять современность. Тем более, что нынешние события в нашей стране, в ряде других стран, казалось бы, опровергают выявленную выше логику.

Но это только на первый и очень поверхностный взгляд. История никогда не совершается по прямой линии, в ней много перерывов, возвращений назад, имеют место не только революции, периоды спокойного эволюционного развития, но и контрреволюции, которые, надо сказать, в истории – явление нередкое. Мы знаем, что контрреволюция была в республиках Северной Италии, когда там стал утверждаться капиталистический строй, затем наступила феодальная реакция. Мы знаем, что революция в Англии завершилась контрреволюцией, которая в целом-то не остановила развитие этой страны в сторону капитализма. Так же и во Франции Великая буржуазная революция окончилась контрреволюцией, а затем страна прошла целый ряд новых революций, пока в ней окончательно не победил капитализм. Собственно говоря, это происходило практически во всех крупных странах Западной Европы, то есть там, где капитализм возникал впервые в истории.

Если мы еще более углубимся в прошлое, то при переходе от доклассового общества к классовому обществу и на первой стадии классового общества видим такие же контрреволюции: возникали рабовладельческие государства, достигали расцвета, затем приходили в упадок, разлагались и разлагающиеся рабовладельческие государства сметались окружающими их варварскими сообществами. И это происходило не раз, пока, наконец, не утвердился окончательно рабовладельческий строй. И хотя он, в конечном счете, был сметен варварами, но на этот раз уже дал основание для возникновения новой формации. Поэтому контрреволюция, можно сказать, такая же закономерность, как и революция. В эпоху становления любой формации контрреволюции практически неизбежны.

И сегодня мы переживаем время контрреволюции. Прав-

да, особенность нынешнего этапа заключается в том, что в настоящее время, как мы показали выше, растут предпосылки для нового общества, предпосылки объединения человечества. И в силу того, что человечество все больше и больше объединяется, изменения оказываются всякий раз гораздо более обширными, захватывающими большие территории и большие массы населения, чем когда бы то ни было в прошлом. В настоящее время контрреволюция произошла в таких масштабах, что она по сути дела охватила целый ряд стран, произошла во всей новой системе. В силу достижения высокой степени интеграции, контрреволюция не могла произойти в отдельно взятой стране, как это было ранее. Она с необходимостью должна быть охватить очень широкие территории и вовлечь колоссальные массы населения. Естественно, контрреволюция должна была начаться в наиболее сильной из этих стран, ее ядро должно было формироваться прежде всего в Советском Союзе. Но это не исключает того, что более легко и быстрее она затем произошла в других странах Восточной Европы, во-первых, в силу малой территории каждой из них, а во-вторых, в силу самих причин совершения социалистических революций: здесь переход к социалистическому строю осуществился после войны в присутствии советских войск – если бы их не было, еще неизвестно, каков был бы исход событий. В странах бывшего Советского Союза контрреволюция встречается с гораздо большими трудностями, и процесс этот будет происходить более длительно. Есть еще определенная вероятность – хотя и сравнительно небольшая – поворота событий в другую сторону.

Следует заметить, что контрреволюции, как и революции, не возникают на пустом месте. Лишь решая нужные в данный момент для общества задачи, они могут рассчитывать на массовую поддержку. Скажем, почему стала возможной контрреволюция после Великой французской революции? Потому, что последняя не вполне соответствовала нарождающимся-

ся буржуазным отношениям, в чем-то она явно забежала вперед. А пришедшие к власти термидорианцы более соответствовали определенным тенденциям, и все-таки их приход означал контрреволюцию.

Также обстоит дело и сейчас. На контрреволюцию следует смотреть преимущественно не с точки зрения определенных “рациональных” моментов в ней (хотя сбрасывать их со счетов нельзя), но с точки зрения того, что является основным, главным в этом процессе, и господствующим не только с точки зрения сиюминутной, а с позиции исторической перспективы. С последней же – совершающийся процесс – это прежде всего и главным образом контрреволюция.

Таким образом, только один факт краха социалистической системы сам по себе ничего не говорит в пользу того, что дальнейшее развитие не будет совершаться по пути к коммунизму.

Позиция человека, приемлющего только “голые факты”, позиция сугубо эмпирического социолога, позиция человека, “захваченного в плен” сегодняшними событиями, – это позиция, с которой видится история только как тупик, представляется единственно приемлемой возможностью возврата к прошлому. Такое сознание как камера-обскура дает перевернутые изображения истории, в частности, контрреволюция представляется революцией, левые кажутся правыми, а правые – левыми.

Напротив, если встать на позицию теоретической социологии, если рассмотреть общий ход всей истории человечества, если взять всю историю человечества в целом, то обнаруживаются тогда проходящие через нее, заключающиеся в ней закономерности развития к обобществленному, к единому человечеству, к коммунизму, обнаруживается, что человечество подходит, а точнее уже подошло к последнему отрезку большого витка спирали истории, к стадии отрицания отрицания.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П.* Понимание современности // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 134.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. Ч. I. С. 463.
3. Там же. Т. 46. Ч. II. С. 208, 213.